

УДК-32

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ: ДИАЛЕКТИКА СЕКЦИОННОЙ И НЕСЕКЦИОННОЙ ТРАДИЦИЙ

М. В. Грабевник¹

Данная статья описывает процессы становления и основные черты секционной и несекционной традиций в понимании власти. Акцент делается на характеристике преимуществ и недостатков каждой из них. На этом основании намечаются тенденции и предполагаемые векторы в развитии концептуального анализа власти. Установлена диалектическая связь между секционной и несекционной традициями, которая позволяет на теоретическом уровне сгладить концептуальные проблемы и подчеркнуть сильные стороны каждой из традиций в понимании власти.

Ключевые слова: секционная и несекционная традиции в понимании власти; власть как отношение; диалектика.

Категория власти является центральной для политической науки. При этом однозначного понимания того, что есть власть, не существует: концептуализация феномена власти отличалась многовекторностью теоретических поисков и достаточно жаркими академическими дебатами. Одна группа теорий явно продолжает традицию Т. Гоббса и М. Вебера, однако в XX столетии сложилось новое направление в понимании власти, основу его заложили работы М. Фуко, Н. Лумана, П. Бурдьё и др.

Т. Гоббс и М. Вебер по праву считаются основоположниками теории власти. Именно Т. Гоббс заложил основы т.н. «каузальной» концепции власти [3], в рамках которой власть понимается как специфическое отношение, имеющее причинно-следственный характер. Причинная связь представляет собой постоянное отношение между двумя переменными, в котором одна переменная производит изменение в другой. Т. Гоббс воспринимает власть как механическое явление, в котором одни тела («агенты») толкают другие тела («пациентов») на какую-либо деятельность. В итоге, английский философ определяет власть как отношения, в которых один из агентов может стать причиной поведения или действия другого объекта.

Традицию Т. Гоббса продолжил М. Вебер [26, 27]. Он рассматривал власть как «вероятность того, что актер будет в состоянии реализовать свою волю в социальном отношении вопреки сопротивлению, независимо от того, на чем эта вероятность основывается». Согласно М. Веберу власть существует в отношениях между объектами и не является принадлежностью индиви-

¹ Грабевник Михаил Владимирович – магистрант II курса Пермского государственного национального исследовательского университета, направление «Политология». E-mail: misha_grabevnik@mail.ru.

дов. Власть должна определяться в терминах вероятности или возможности и никак иначе. Кроме того, власть предполагает конфликт - она всегда направлена против воли объекта власти, вопреки интересам людей. Такой взгляд на властные отношения позволяет считать власть диспозиционным понятием, которое отражает потенциал субъекта власти достигнуть подчинения объекта или контролировать объект. Власть существует, даже в случае если субъект не реализует имеющуюся у него способность подчинить объект, т.е. власть – это потенциальная способность. Властные отношения - асимметричны и конфликтны.

В своих работах Вебер предпринимает, пожалуй, первую в истории политической науки попытку концептуализации феномена власти через соотнесение его с иными политическими феноменами. Он сравнивает авторитет, который связан с социальными ролями, и власть, связанную только с персонафицированными качествами человека. Также он предпочитает понятие «господство» понятию «власть» и определяет его как частный случай власти. Господство – это возможность заставить определенную группу людей повиноваться определенной команде.

Гоббс и Вебер заложили основы секционной (групповой) теоретической традиции понимания власти, называемой также «традицией реализма». Она представлена в работах Х. Лассуэлла и Э. Кэплэна [20], Р. Даля [17, 18], Д. Картрайта [15, 16], С. Льюкса [8, 21], Э. Гидденса [19] и др. Власть определяется как «власть над кем-то». Власть рассматривается здесь как асимметричное отношение между людьми, которое включает в себя потенциальный и актуальный конфликт между субъектом и объектом. Именно секционная традиция получила наибольшее распространение благодаря своему прикладному потенциалу.

Вторая традиция в понимании власти – несекционная концепция власти. Представителями данной традиции являются Т. Парсонс [22, 23], Х. Арендт [13, 14], М. Фуко [10, 11], Н. Луман [7] и пр. Эта концепция отвергает понятие «нулевой суммы» в распределении власти. Её представители считают, что власть может осуществляться во имя всеобщей выгоды агентов, которые используют эту власть. В данной традиции она рассматривается как коллективный ресурс, как способность достичь общественного блага; подчеркивается легитимный характер власти, ее принадлежность не отдельным индивидам или группам, а коллективам людей или обществу в целом.

Проблематике власти уделяется огромное внимание в трудах М. Фуко. Характеризуя собственный творческий путь, Фуко констатирует, что именно власть всегда являлась двигателем его научных изысканий [10, 280]. Основная трудность, по его словам, заключалась в «решении вопроса, который, впрочем, нынче является вопросом для всего мира, а именно, вопроса о власти» [10, 282]. Французский философ заявляет, что предыдущие исследования власти совсем не оставили инструментария для адекватного исследова-

ния феномена власти, а потому первоочередной задачей (для него) является сознание такой концептуальной схемы и категориального аппарата, с помощью которых можно было бы эффективно исследовать властный феномен. Проблема, по его мнению, заключается в том, что власть отождествляют с определенным типом отношений и определенными типами институтов, такими, как армия, полиция, судопроизводство и пр. Иными словами, власть отождествляется в таком случае с государственной властью, что, на взгляд автора концепции дисциплинарной власти, не является верным. Таким образом, первым шагом Фуко стало распространение концепта властных отношений на негосударственную сферу. «Отношения власти впутаны и в другие типы отношений - производственные, брачные, семейные, половые и пр., где они одновременно играют определяющую и обуславливающую роль» [10, 289]. Отсюда, как минимум, неразумно исходить из посылки, что властные отношения «знание/незнание», «больные/здоровые» являются производными от государственной власти. Фуко утверждает, что они не только независимы от государственной власти, но, более того, государственная власть опирается на них как на властные ресурсы. Поэтому необходимо изучать «истинную природу власти вне государства». Концепция власти Фуко также подчеркивает, что власть вездесущна, и не потому, что она охватывает все типы взаимодействий, а потому, что она исходит из них. Иными словами, власть является вездесущной потому, что она в любой точке социального пространства [вос]производит себя.

Впервые определение власти по Фуко встречается в работе «Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности». «Под властью следует понимать множественность отношений силы, которые имманентны области, в которой осуществляются, и которые конститутивны для её организации» [11, 191]. Власть, таким образом, не связана ни с определенным типом отношений, ни с определенными институтами. Более того, власть не принадлежит кому-либо, но пронизывает все социальное пространство. «Власть не есть нечто, что приобретается, вырывается или делится, нечто такое, что удерживают и отпускают; власть осуществляется из бесчисленных точек, в игре подвижных отношений неравенства...» [11, 194]. Мы не знаем, у кого она есть, но мы знаем, у кого её нет.

Н. Луман, выстраивая собственную концепцию, продолжает подход к рассмотрению власти, предложенный Т. Парсонсом и заключающийся в интерпретации власти как средства коммуникации. Власть определяется как «символически генерализированное коммуникативное средство» [7, 25]. Как и любое другое коммуникативное средство, она регулирует процесс межличностного взаимодействия путем редукции «комплексности» (неограниченного числа возможностей) к ограниченному числу возможных действий, которые ограничивают и исчерпывают пространство выбора у партнера по коммуникации [4]. Основной чертой такого понимания феномена власти является

ся отрицание того, что он является некоторым качеством или способностью, которая присуща какому-либо определенному и конкретному агенту коммуникации. Власть, как система коммуникации, функционирует подобно другим коммуникативным системам, будь то экономика или наука. Власть по Луману является вездесущей, точно также как и по Фуко. Она возникает в ходе любых интеракций и представляет собой социальную универсалию. Властью пронизано все социальное пространство. Власть является «жизненно-мировой универсалией существования», так как «там, где люди коммуницируют друг с другом, всегда существует вероятность того, что они будут ориентироваться на возможность причинения взаимного вреда и тем самым оказывать друг на друга влияние» [7, 137]. Как можно заметить, концепт власти Лумана является весьма похожим на концепт власти Фуко – вездесущий характер власти, отрицание субъектности власти. Однако отличие состоит в том, что Луман определяет власть как систему коммуникации, тогда как Фуко более склонен к определению власти как системы дисциплины. Таким образом, говоря о власти, каждый из вышеперечисленных авторов предпочитает концентрироваться на свойствах и параметрах данного феномена, оставляя за скобками его дефиницию.

В то время как возникновение новых концепций власти позволяет судить об определенных положительных тенденциях в развитии концептуального анализа власти, разделение на две основных традиции - секционную и несекционную - как и прежде, доминирует в научном и академическом пространствах. В действительности новые концепции и теории обладают аналитическим потенциалом преимущественно в случаях, когда они выстроены в рамках секционной традиции в понимании власти [2, 5, 9, 12]. Такие концепции рассматривают власть в системе взаимоотношений двух групп акторов – власть имущих и подвластных - а её анализ подразумевает, прежде всего, анализ властвующей коалиции, конфигурации властных акторов, стимулы и мотивы властвования, а также процесс распределения властных ресурсов. Такая методика делает акцент на власти как на свойстве определенного типа социальных интеракций, а потому, на мой взгляд, представляет ограниченный взгляд на феномен власти.

В данной статье я постараюсь наметить векторы, в направлении которых необходимо развиваться концептуальному анализу власти для того, чтобы преодолеть существующие сегодня трудности концептуализации и выстроить более полную и «живую» теорию, свободную от ограничений интеракционистского детерминизма. Сделать это можно, прежде всего, обозначив и решив основные дилеммы и проблемы концептуализации.

Власть, как было отмечено ранее, чаще всего рассматривается в процессе определенного (властного) типа отношений. Так её рассматривают преимущественно представители секционной традиции. В таком случае власть обязательно должна быть свойством определенной интеракции, по-

этому она рассматривается относительно какого-либо отношения, этими отношениями определяется. Безусловно, с исследовательской точки зрения это наиболее удобный вариант концептуализации власти, потому что её нахождение и практическое измерение посредством анализа определенного типа социальных отношений не составляет труда. Однако из такой логики вытекает закономерный вопрос: можем ли мы утверждать, что власть является свойством лишь социальных отношений или, другими словами, можем ли мы отождествлять власть и властные отношения? Вероятно, нет. Если мы изучаем власть через анализ интеракций, то рискуем оставить вне исследовательского внимания большую (если не большую) часть власти (назовем её потенциальной), которая является свойством всего социального пространства, а не исключительно свойством определенного социального отношения. Исследователь, выстраивающий концепцию власти, должен определиться: может ли власть быть потенциальной или же она является исключительно актуальным феноменом? По той причине, что потенциальную власть измерить крайне сложно, она представляется сложным для концептуализации феноменом. Тем не менее, эта сложность не говорит о невозможности концептуализации. Наоборот, она представляет научный вызов для каждого из нас. Необходимость разобраться с дилеммой «актуальной-потенциальной» власти при её концептуализации – задача, на которую стоит обратить внимание.

Стоит также отметить, что существует определенный парадокс в концептуализации, а именно определение власти через её наличие (проявление). Иными словами, при концептуализации исследователи часто подвержены риску определять власть в условиях её актуализации. Процесс концептуализации власти в таком случае строится в следующей логике. Исследователь определяет, какие отношения считать властными, а какие таковыми не считать. Далее он выделяет властные отношения и определяет их свойство – власть. И здесь прорисовывается логически замкнутый круг: власть понимается как свойство властных отношений, отличительной характеристикой которых является власть. Такой парадокс чаще прослеживается в концептуальных схемах последователей секционной традиции, отождествляющей власть с «властью над». Представляется, что это происходит от игнорирования власти «за» интеракцией, «над» интеракцией, «вокруг» интеракции. Риск такого игнорирования составляет еще одну трудность в концептуализации понятия «власть».

Вопрос конфликтности власти также нужно упомянуть в качестве одной из проблем в процессе выстраивания концепта власти. Данный вопрос является дискуссионным даже в рамках секционной традиции, отождествляющей власть с каузальной интеракцией. Как возможно определить, есть ли власть вне конфликта? Или, другими словами, обязателен ли конфликт для функционирования власти? Эти вопросы, представляя собой один из ключе-

вых разломов между секционной и несекционной традициями, являются препятствием на пути концептуализации понятия «власть».

При концептуализации понятия «власть» необходимо более широко взглянуть на данный феномен. Это означает, в первую очередь, что феномен власти не является исключительным свойством определенных элементов социальной действительности. Напротив, если нивелировать акцент на власти как на отношении, станет возможен более широкий ракурс, проливающий свет на все стороны властного феномена. Расширяя концепцию власти и «распространяя» власть на все социальное пространство, необходимо остаться в концептуальных рамках и не впасть в проблему растяжения концепта. В этом смысле необходимо сохранять баланс между узким и широким пониманием власти. Кроме этого, в процессе концептуализации власти необходимо определить в ряду смежных понятий и концептов, таких как подчинение, авторитет, сила, принуждение, символическая власть, легитимность, насилие и пр. Логическая стройность и непротиворечивость конфигурации взаимоотношений данных концептов всегда является труднодостижимой целью, однако представляет собой серьезный шаг в определении концепта «власть».

Таким образом, главная проблема концептуализации понятия «власть» в современном научном пространстве заключается в сложности выявления и измерения власти *«вне» властных отношений*. С одной стороны, исследователи стремятся осмыслить феномен власти в более широком контексте, и это в некоторой степени у них получается. С другой стороны, подавляющее большинство прикладных исследований власти до сих пор основывается на понимании власти как отношения. И так как последователи секционной традиции, сконцентрированные сегодня на прикладных исследованиях, оставляют на периферии вопросы теоретического осмысления власти, обратимся к несекционной традиции с точки зрения поиска альтернативных двигателей концептуального анализа.

Одной из главных особенностей несекционной традиции в понимании власти является её тотальность. Это означает, кроме прочего, что власть не принадлежит только каким-либо определенным властным субъектам или группам субъектов. Она, наоборот, представляет собой сущностную особенность всех социальных отношений. Власть, как кровь социального пространства, существуя повсеместно, проникает во все социальные отношения, структурирует и изменяет их. Именно несекционная традиция показала, что власть как одна из определяющих социологических категорий не существует только в определенно сложившихся ситуациях, напротив, она существует везде. В этом смысле категория власти имеет достаточно широкую объяснительную способность. Власть в несекционной традиции является инструментом, которому по силам объяснить феномены, недоступные порой для объяснения в секционной традиции.

Нужно также заметить (и в этом еще одно её достоинство), что несекционная традиция впервые обозначила конфликтность как необязательный атрибут власти. Власть может осуществляться вне конфликта, т.е. по согласию объекта властвования. Объект может быть полностью согласен с актом властвования, а иногда и вовсе не осознавать, что является объектом. Кроме того, власть вполне может носить симметричный характер и в равной степени относиться ко всем агентам властной коммуникации. Власть не принадлежит конкретным акторам, которые располагают властными ресурсами.

Продуктивность власти заключается в том, что результатом властных отношений может быть благо для всех. Современные властные отношения не есть игра с нулевой суммой, в которой акторы соразмерно получают выгоду и несут издержки. Наоборот, современные властные отношения могут представлять собой ситуацию, когда акт властвования не принесет никому издержек, в то время как польза будет равна для всех объектов. Радикальный взгляд на власть как на негативную (в первую очередь, для объекта властвования) интеракцию сменяется принятием позитивного взгляда «власть-польза», что убедительно доказано в работах Х. Арендт, М. Фуко, П. Бурдьё.

Таким образом, несекционная традиция расширяет и углубляет поверхностное и прагматичное понимание властных отношений, позволяет преодолеть поверхностность и прагматизм секционной традиции. Главные преимущества несекционного понимания власти заключаются в расширении «угла обзора» на феномен власти, повышение инструментальной эффективности категории власти, формирование широкой описательной способности и аналитического потенциала несекционной власти и др. Такая радикализованная тотальность власти, которая пронизывает все отношения социальной реальности, позволяет определить власть как основополагающую в социальных науках категорию. Власть, согласно несекционной традиции, детерминирует и может объяснить социальную реальность.

Необходимо заметить, ради достижения определенной объективности, существует достаточно серьезных упущений, которые ставят под сомнение исследовательскую и, прежде всего, практическую силу данного подхода. Во-первых, нужно признать, что чрезмерная тотальность несекционной власти затрудняет применимость данного подхода к прикладным исследованиям. Претендуя на то, чтобы максимально объяснить социальную реальность, понятие власти размывается по причине растяжения концепта. Во-вторых, несекционная традиция практически не предлагает конкретного исследовательского дизайна власти.

Итак, обе традиции в понимании власти - секционная и несекционная - имеют как положительные, так и отрицательные стороны. Преимущества первой - аналитический и прогностический потенциал, развитый исследовательский дизайн и методика - ограничиваются узким пониманием власти как отношения. Недостатки второй, характеризующейся, в основном, слабым

аналитическим потенциалом в прикладных исследованиях власти и растяжением концепта, скрашивает расширение концептуальных границ и выход за рамки интеракционизма.

Исходя из вышеизложенного, я полагаю, что две главные традиции - секционная и несекционная - как минимум, не противоречат друг другу, и, как максимум, должны эффективно согласовываться ради обеспечения оптимального прикладного исследования власти. История развития этих традиций показывает, что дискуссии и споры относительно концепта власти протекают скорее внутри традиций, нежели между ними. Это говорит, кроме всего прочего, о том, что разделение между традициями вполне возможно преодолеть в ходе концептуального анализа власти.

Нечеткое концептуальное разделение секционной и несекционной традиций берет начало из самой природы исследований власти. Изначально, как можно судить по работам Т. Гоббса, М. Вебера и последователей секционной традиции, власть служила не предметом, а скорее аналитическим инструментом. Только с появлением несекционной традиции и более теоретических работ последователей секционной традиции (которые находятся скорее на пересечении традиций) П. Бахраха, М. Баратца и С. Льюкса власть стала представлять собой предметную область исследования, поэтому, в заключение данной статьи я хочу наметить векторы, в направлении которых необходимо развиваться концептуальному анализу власти для того, чтобы избежать издержек и проблем, описанных выше.

Определяя самым общим образом феномен власти, можно оттолкнуться от того, что она является влиянием субъекта (властвующего) на объект (подвластного), с целью ограничения поведения последнего. В этом случае власть может казаться интерпретированной в русле веберовской трактовки. Это, однако, является не совсем верным. Данное понимание власти все же отличается от трактовки власти М. Вебером, как минимум, в двух аспектах. Во-первых, власть является уникальным свойством коммуникации, особенностью интеракции. Властью «обладают» также структурные элементы социальной реальности. Так, например, город как структурированное пространство обладает властью по отношению к гражданам, которые в нем проживают. Архитектура города подчиняет человека и структурирует его поведение. Городская среда и городское сообщество (отличающиеся, например, от среды и сообщества сельского) властвуют над каждым индивидом и подчиняют его поведение определенным правилам. Другими примерами неодушевленных властвующих агентов являются социальная структура общества, мораль, тип социализации, дискурс и пр. Было бы неправильно понимать данную позицию по отношению к власти как отношения дискурсивной власти в традиции Фуко. При прочих схожих чертах, здесь предполагается, что власть не детерминирована дискурсом. Власть может осуществляться объективно существующими структурами, тогда как дискурс - феномен объективируемый (но не

объективный). Объективно существующие (часто материальные) и социально конструируемые (преимущественно символические) элементы социальной реальности в равной степени могут осуществлять власть, точно также как и индивиды. Например, субъектом властвования может являться должностное лицо, запрещающее индивиду громко разговаривать в библиотеке, но также и общепринятая социальная практика (неформальный институт) сохранения тишины в библиотеке и «зона тишины» как объективно существующее помещение в здании библиотеки.

Во-вторых, власть не является исключительно отношением конфликта. Объект властвования, порой, может и не осознавать, что власть применима к нему в текущий момент. Так, например, определенные устойчивые диспозиции человека - паттерны, которые ему присущи - структурируют его идеи и (следовательно) поведение, тем самым осуществляя власть над ним. Более того, некоторые объекты властвования могут вполне осознанно подчиняться воле субъекта. И тому может быть несколько причин: одобрение деятельности субъекта, рациональный расчет издержек и выгод, собственный интерес и др. Вопрос в этом случае звучит следующим образом: является ли объект властвования, осознанно принявший навязываемое поведение, действительным объектом? Иными словами, будет ли согласный подвергнуться властвованию объект объектом в полной мере? Может ли быть, что с согласием объекта власть пропадает? Я предполагаю, что власть и в этом случае будет иметь место, т.к. субъект в любом случае влияет на поведение объекта и структурирует его. Следовательно, власть не является обязательно конфликтным отношением.

Таким образом, *власть должна представлять собой отношение структурирования (ограничения) поведения объекта властвования субъектом*. Такое широкое определение показывает, что власть «распространена» по всему социальному пространству. Субъектами властвования, как было замечено ранее, являются люди, объективные структуры социальной реальности и социально конструируемые структуры. Среди объектов властвования мы можем найти такие же типы элементов. Однако, что касается объектов, то люди являются ими намного чаще, чем объективные или объективируемые структуры социальной реальности. В этом отношении распространенность разных типов субъектов властвования остается относительно равной, т.е. все субъекты властвования в равной степени и с равной частотой осуществляют власть.

Кроме того, представляется, что власть не является потенциальным свойством, т.е. она не является возможностью. Власть – это отношение в его активном состоянии. Потенциальную возможность властвования, на мой взгляд, можно определить как влияние. В этом смысле влияние, как потенциальная форма власти, является социальной практикой, которая осуществляется индивидами, и только индивидами. С другой стороны, каждый индивид,

способный осуществлять власть (но еще её не осуществляющий) и проявляющий данную способность, обладает влиянием по отношению к тем объектам, которые знают о его властном потенциале.

Такой ракурс позволяет показать диалектическую связь между секционной и несекционной традициями власти. Черты несекционной традиции (нивелирование интеракционистского детерминизма и расширение спектра властвующих, отрицание обязательной конфликтности власти и пр.) и черты секционной традиции (акцент на актуальном, реакционистском характере власти и др.) способны усиливать эвристический потенциал друг друга. Власть является феноменом, объясняющим практически все аспекты социальной реальности, а оптимальная диалектическая связь двух классических подходов в понимании власти, может способствовать концептуальному развитию понятия «власть».

Библиографический список

1. *Бурдые П.* Социология социального пространства. М., 2007.
2. *Гельман В.Я.* Реформа власти в городах России: мэры, сити-менеджеры и местная демократия // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 6. С. 143–152.
3. *Гоббс Т.* Левиафан // Избр. Произведения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991.
4. *Куренной В.* Власть как коммуникация // Отечественные записки. 2002. №3.
5. *Ледяев В.Г., Чирикова А.Е.* Губернатор и его команда в пространстве городской политики малых российских городов // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. 2013. №3. С. 4–26.
6. *Ледяев В.Г.* Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах: монография. М., 2012.
7. *Луман Н.* Власть / пер. с нем. А. Антоновского. М.: Практикс, 2001.
8. *Льюкс С.* Власть: радикальный взгляд. М.: Издательский ГУ ВШЭ, 2010.
9. *Слатинов Б.В.* Мэр или сити-менеджер: институциональные эффекты выбора модели муниципального управления в областных центрах Черноземья // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 2. С. 141–148.
10. *Фуко М.* Власть и знание // Интеллектуалы и власть. М., 2002.
11. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет. М.: Касталь, 1996.
12. *Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Ледяева О.М.* Муниципальная реформа и распределение власти в руководстве малого города России // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. №4 . С. 7–16.
13. *Arendt H.* Communicative Power. Ed. by Steven Lukes. Oxford: Blackwell, 1986.

14. *Arendt H.* On Violence. London: Penguin Books, 1970.
15. *Cartwright D.* A Field Theoretical Conception of Power // *Studies in Social Power*. Ed. by Dorwin Cartwright. Ann Arbor, 1959.
16. *Cartwright D.* Influence, Leadership, Control // *Political Power: A Reader in Theory and Research*. New York: Free Press, London: Collier-Macmillan, 1969.
17. *Dahl R.* The Concept of Power // *Behavioural Science*. 1957. Vol 2. P. 201–215.
18. *Dahl R.* Who Governs? Democracy and Power in an American City. New Haven: Yale University Press, 1961.
19. *Giddens A.* 'Power' in the Recent Writings of Talkott Parsons // *Power: Critical Concepts*. Vol. 1. London: Routledge, 1994.
20. *Lasswell H.D., Kaplan A.K.* Power and Society. New Haven: Yale University Press, 1950.
21. *Lukes S.* Power: A Radical View. L.: Macmillan, 2005.
22. *Parsons T.* On the Concept of Influence // *Public Opinion Quarterly*. 1963. Vol. 27. № 1.
23. *Parsons T.* On the Concept of Political Power // *Political Power: A Reader in Theory and Research*. New York: The Free Press; London: Collier-Macmillan, 1969.
24. *Stoker G., Mossberger K.* The Evolution of Urban Regime Theory: The Challenge of Conceptualization // *Urban Affairs Review*. Vol.36, No. 6, 2001, Pp. 810–835.
25. *Stone C.* Reflections on Regime Politics: From Governing Coalition to Urban Political Order // *Urban Affairs Review* 2015, Vol. 51(1). P. 101–137.
26. *Weber M.* Basic Concepts in Sociology. Translated and with introduction by H.P. Sacher. New York: The Citadel Press, 1962.
27. *Weber M.* Power, Domination, and Legitimacy. // *Power in Modern Societies*. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press, 1993.

CONCEPTUALIZATION OF POWER: DIALECTIC OF SECTIONAL AND NON-SECTIONAL APPROACHES

M.V. Grabevnik

Student of Political Science Master Program, Perm State University

This article describes the formation processes and main features of the sectional and non-sectional approaches to the concept of power. The focus is on characteristics of the advantages and disadvantages of each approach. Basing on those, the main trends and expected vectors in the development of the conceptual analysis of power are determined. The author stresses that there is a dialectic link between sec-

tional and non-sectional traditions, which allows for smoothing conceptual problems and emphasizing the advantages of both approaches to the concept of power.

Keywords: sectional and non-sectional approaches to the concept of power; power as interaction; dialectic.

References

1. Bourdieu P. *The sociology of social space*. M., 2007. (In Rus.).
2. Gel'man V. The local government reform in the cities of Russia: mayors, city-managers and local democracy. *Comparative Constitutional Review*. 2008. Iss. 6. P. 143–152. (In Rus.).
3. Hobbse T. *Leviathan. Selected works: in 2 vols. Vol. 2*. M.: Mysl' Publ., 1991. (In Rus.).
4. Kurennoy V. Power as communication. *National notes*. 2002. Iss. 3. (In Rus.).
5. Ledyayev V.G., Tchirikova A. The governor and his team in the local politics of Russian towns. *Perm University Herald. Political Science*. 2013. Iss. 3. P. 4–26. (In Rus.).
6. Ledyayev V.G. *The Sociology of Power. Theory and empirical study of power in urban communities*. M., 2012. (In Rus.).
7. Luhmann N. *Power* / transl. by A. Antonovsky. M., 2001. (In Rus.).
8. Lukes S. *Power: A Radical View*. M., 2010. (In Rus.).
9. Slatinov B.V. A mayor or a city-manager: institutional effects of municipal governance in the administrative centers of the Chernozemie region. *Central Russian Journal of Social Sciences*. 2012. Iss. 2. P. 141–148. (In Rus.).
10. Foucault M. Power and Knowledge. *Intellectuals and power*. M., 2002. (In Rus.).
11. Foucault M. *The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality: works of different years*. M., 1996. (In Rus.).
12. Tchirikova A., Ledyayev V., Ledyayeva O. The municipal reform and power distribution in administration of a Russian town. *Bulletin of the University of Tambov*. 2015. Iss.4. P. 7–16. (In Rus.).
13. Arendt H. *Communicative Power*. Ed. by Steven Lukes. Oxford: Blackwell, 1986. (In English).
14. Arendt H. *On Violence*. London: Penguin Books, 1970. (In English).
15. Cartwright D. A Field Theoretical Conception of Power. *Studies in Social Power*. Ed. by Dorwin Cartwright. Ann Arbor, 1959. (In English).
16. Cartwright D. Influence, Leadership, Control. *Political Power: A Reader in Theory and Research*. New York: Free Press, London: Collier-Macmillan, 1969. (In English).
17. Dahl R. The Concept of Power. *Behavioural Science*. 1957. Vol. 2. P. 201–215. (In English).
18. Dahl R. *Who Governs? Democracy and Power in an American City*. New Haven: Yale University Press, 1961. (In English).

19. *Giddens A.* 'Power' in the Recent Writings of Talkott Parsons. *Power: Critical Concepts*. Vol. 1. London: Routledge, 1994. (In English).
20. *Lasswell H.D., Kaplan A.K.* *Power and Society*. New Haven: Yale University Press, 1950. (In English).
21. *Lukes S.* *Power: A Radical View*. L.: Macmillan, 2005. (In English).
22. *Parsons T.* On the Concept of Influence. *Public Opinion Quarterly*. 1963. Vol. 27. Iss 1. (In English).
23. *Parsons T.* On the Concept of Political Power. *Political Power: A Reader in Theory and Research*. New York: The Free Press; London: Collier-Macmillan, 1969. (In English).
24. *Stoker G., Mossberger K.* The Evolution of Urban Regime Theory: The Challenge of Conceptualization. *Urban Affairs Review*. Vol. 36, Iss. 6, 2001, P. 810–835. (In English).
25. *Stone C.* Reflections on Regime Politics: From Governing Coalition to Urban Political Order. *Urban Affairs Review*. 2015. Vol. 51(1). P. 101–137. (In English).
26. *Weber M.* *Basic Concepts in Sociology* / Translation and introduction by H.P. Sacher. New York: The Citadel Press, 1962. (In English).
27. *Weber M.* Power, Domination, and Legitimacy. *Power in Modern Societies*. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press, 1993. (In English).